

УДК 81'282'2: 398(470.53)

УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВЕСНЫЕ ФОРМУЛЫ В СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ ПРИКАМЬЯ¹

Екатерина Николаевна Свалова

аспирант кафедры общего языкознания

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, Пермь, ул. Сибирская, 24. svalova87@mail.ru

В статье рассмотрены устойчивые словесные формулы, функционирующие на различных этапах свадебного обряда. Анализируются семантика, форма, функции свадебных паремий, специфика их образности, стилистические качества. На материале прикамской свадебной традиции рассматриваются семиотические характеристики свадебных ритуальных формул, их соотносительность с символизмом народной культурной традиции в целом. Делаются выводы об особенностях внутренней формы свадебных формул, о механизмах порождения с их помощью апотропеической и продуцирующей семантики различных обрядовых эпизодов прикамской свадьбы.

Ключевые слова: традиционный свадебный обряд; словесные формулы; ритуальная коммуникация; символизм традиционной культуры; семиотические механизмы; обрядовый текст.

Слово в контексте обряда имеет свою специфику: «в пределах ритуала не существует спонтанной речи – всякое высказывание становится формулой» [Белоусова]. Паремия не просто вербально сопровождает и комментирует обряд, но, по сути, конструирует его прежде всего за счет своей иносказательности. Функции ритуальных формул тесно связаны с прагматикой ритуала, которая, как отмечает А.К.Байбурин, выражается в его направленности не только на социальный, земной мир, но и на мир космический, на ценности и утилитарные, и знаково-символические [Байбурин 1993]. Конечно, ритуальные действия и, соответственно, обрядовые паремии выполняют психологическую функцию – настраивают на выполнение тех или иных действий, сглаживают или устраняют эмоциональную напряженность. Важнее, однако, их использование как знаков особого, «другого» языка, что в обряде обусловлено необходимостью маркировать переход из мира повседневности в мир сакральный, магический. Поскольку свадебный обряд ассоциируется с изменением социального статуса и вообще жизни молодых, в нем осуществляется общение участников не только друг с другом, но и с традицией, между предками и потомками, прошлым и настоящим. Ярко выраженная магическая функция свадебных ритуальных действий тесно связана с моделирующей функцией: произнесение слов (или молчание) и выполнение определенных действий моделируют «настоящее» и

«будущее» в структуре обряда². Применяемые в обряде ритуальные формулы-паремии являются вербальным регулятором поведения участников обряда, поскольку они выработаны коллективным опытом и закреплены в традиции.

Устойчивость словесных формул, функционирующих в тексте ритуала, мотивирована тем, что они специальным образом лингвистически оформлены. В частности, их отличает повышенный символизм, особая ритмическая и фонетическая организация – *Сваты зайдут и начинают: «Под масницу садимся, значит, мы в родню годимся». Сядут и начинают говорить: «Может, самоваром будем трясти и разговоры вести». Вот тогда невеста уже ставит* (Бер.). Упомянутая в первом выражении *масница-матица* символизирует не просто центр дома, она является «ритуально нагруженным локусом» в русском свадебном обряде [СД 1995: 201]. Гость не заходил под матицу без приглашения хозяев, а само приглашение являлось неким допуском в пространство дома, а значит, и в семейное пространство (*Под масницу садимся, значит, мы в родню годимся*). Самовар, обозначенный во втором случае, является не только символом гостеприимства, но и знаком человеческого соединения (единения). Использованный в паремии глагол *трясти* употреблен в значении ‘качать, двигать из стороны в сторону’ и мотивирован тем, что «трясли самоваром» тогда, когда вода в нем уже закипала. Следовательно, включенное в па-

ремию выражение *трясти самоваром* символизирует начало чаепития и приятного общения.

Словесные формулы активно используются с отправной точки свадебного обряда – этапа сватовства. Если учесть, что свадебный обряд-текст организуется как своеобразная многодневная игра (в том числе языковая), сватовство может быть понято как своеобразный зачин этого текста, где в свернутом виде заданы будущие символические темы обряда. За сватовством закреплены важнейшие функции: оповещение родственников девушки о желании взять ее в жены – предложение выйти замуж, согласие на предложение или отказ родителей девушки, вербальное закрепление согласия или отказа обеих сторон на брак³. Очевидно и своеобразие этапа сватовства как наиболее интимного, сугубо семейного события.

Коммуникативная функция паремий, используемых в момент сватовства, связана с целью участников сватовства, пока еще чужих друг другу, договориться между собой. Магическая функция в обряде сватовства актуализируется в иносказательных диалогах сватов. Для благополучного исхода сват должен мастерски владеть языком: уметь спровоцировать реакцию и непринужденно реагировать на слова оппонента. Заявляя о цели прихода, сват обычно говорит «о деле»: *Мы не выпивать пришли, а дело решать* (Пожва Юсвь.) [Усольская свадьба 2000: 6]. Глагол *делать* в русских говорах используется в значении эвфемического характера ‘колдовать’ благодаря диффузности семантики, слово *дело* легко становится эвфемическим обозначением целого ряда явлений (например, колдовства). В паремиях слово *дело* эвфемически заменяет такие номинации, как свадьба и брак: их нет, пока нет на них согласия. Согласие (вербальное или невербальное) и есть «разрешение» на последующие действия, поэтому сваты зачастую не проходят за матицу, не пьют и не едят, пока не решат «дело»: *Мы пришли не беседы вести, а пришли дело сводить* [Подюков 2004: 49] и т.д. Слово «дело» может использоваться в сочетании с эпитетами «добрый» или «хороший», в чем прослеживается прогностическая функция – намеренное нацеливание на благополучный результат, «задабривание»: *Мы по хорошему делу, по сватать невесту!* (Илеза) [Балашов 1985: 29], *Мы пришли с добрым делом, со сватовством* [Поговорки и частушки о сватовстве]. В другой формуле сватов, ответе на предложение им сесть *Мы не сидечи, мы стоечи*, иносказательность задается семиотической отмеченностью сидения / стояния во время ритуала. Как правило, стояние связано с магическими моментами (стоять во

время венчания; стоять, прощаясь с покойником и т.д.), во время которых человек максимально сконцентрирован на чем-либо, собран; сидение же в большей степени связано с пассивным состоянием покоя, расслабленности. Сидение и стояние значимо не только для сватов, ожидающих согласия девушки, но и для жениха и невесты на протяжении всего обряда. А.В.Гура на материале Белоруссии, северных и центральных областей Украины, южной России и восточной Польши показал, что большой набор обрядовых форм в свадебном обряде мотивирует сидение и «посад» [Гура 2012: 18–20]. Однако пермский материал показывает, что символично и семиотично не только сидение молодых, но и стояние: *к шестку ставить* – отправлять молодых при отъезде родителей невесты к печи [ЭССТСП 2004: 165], *к столу (за стол) ставить (становить)* – оказывая почести, побуждать молодых стоять за столом перед гостями [там же].

Большая часть паремий на этапе сватовства – это формулы, с которыми сваты появляются в доме девушки, сообщая о цели своего визита – высватать (сосватать) девушку. Эти формулы неоднородны: несмотря на общую коммуникативную цель, лингвистически они оформляются по-разному, в зависимости от характера образности. Сама процедура сватовства может быть представлена как «торг» или «обмен» (повсеместно – *У вас есть товар, у нас купец; Мы пришли обменивать, ваша пшеница, наша рожь, давайте соединим* (Пашево Киш.)), как охота (*К вам лиса забежала* (Берёзовка Усол.)) [ЭССТСП 2004: 83]; как «поиск (не)потерянного» (*Мы непотерянно ищем. Дак вот найдем, нет?* (Уинск.); *Барашка потеряла, ищю* (Вильгорт Черд.) [там же: 20]; *Пришёл я по молодуюшку, молоденькую ищю, которая на меня похожа* (Усть-Уролка Черд.) и т.д. Словесная формула может представлять собой комментарий по поводу невесты: *В нашей пшенице нет торицы* (Асово Бер.) – о невесте с хорошей родословной. В этом случае качество невесты оценивается соотношением с отборным зерном (*торица* – сорняк в посевах яровых культур). С помощью паремии отмечается и положительный результат сватовства: *По рукам да в сани, по ногам да в баню* (Зюздина Юрл.). Эта шутивная фраза строится на обыгрывании ассоциаций *сани* – свадебный санный поезд, *баня* – баня для молодых на второй день свадьбы. Устойчивыми формулами и особым этикетным поведением выражается согласие невесты на брак. В прикамской традиции было принято, чтобы невеста не сразу соглашалась на брак: *Невеста сразу ведь тоже не соглашается. Надо приличие какое-то иметь. Первый раз-то*

отказать. *Пить подадут, говорит: «Пить не хочется»* (Мосино Юсьв.). Здесь также использована идея совместного питья как символического выражения единения.

«Родившиеся» на этапе сватовства мотивы нередко «продолжаются» в самом свадебном обряде. Так, устойчив в словесных формулах сватов, входящих в дом, мотив поиска «потерянного», обеспечивающий обрядовое иноговорение: *Пришёл я по молодуюшку, молоденькую ищю, которая на меня похожа* (Усть-Уролка Черд.), *Барашка потеряла, ищю* (Вильгорт Черд.) [ЭССТСП 2004: 20]; *Мы непотерянно ищем. Дак вот найдем, нет?* Идея поиска «непотерянного» актуализируется не только в русской традиции: ср. башкирск. *Сват-яусы говорил: «Потерял я то, чего не было, помогите мне найти это». Хозяева со словами «Если то, чего не было у вас, находится у нас, оно найдётся»* [Традиции и обычаи башкир]. В сюжете «поиска того, что не потеряно», на наш взгляд, инициируется активное включение в обряд стороны невесты, что выражается в просьбе – *помогите мне найти это*. Адресат сообщения (родители невесты) наделяется особыми свойствами, поскольку он способен «найти то, чего не было». Этот же мотив использован в просьбе угоститься зашедшего на свадьбу *Потерял мешок с хмелем (Свадебжанин какой вытить захочет: «Борис Егорыч, я потерял мешок с хмелем». Он подаст чё вытить* (Одинцово Караг.) [ЭССТСП 2004: 127]. С помощью паремии создается ситуация, при которой участники обряда, пользуясь условным языком, следуют выработанному традицией сценарию. Таким образом, включаясь в структуру обряда, образный сюжет паремии может конструировать целый ряд обрядовых эпизодов.

Помимо формул сватовства, свадебные паремии представлены приглашениями на свадебный пир: *Хозяин, иди вот на пир туда-то. Иди – хозяйку не веди. Хозяйка, иди – детей не веди. Дети, идите – собак не ведите* (Тимина Юрл.); просьбой о благословении молодых: *Благословите под злат венец, закон Божий принять (чудный крест целовать)* [Балакай 2007: 56]; самими благословениями: *Я благословляю на живущее* (Усть-Уролка Черд.)⁴; этикетными приветствиями участников свадьбы: *С молодецким выездом!* [БСРП 2008: 108]; застольными паремиями (в том числе многочисленными побуждениями молодым целоваться: *Пиво нецеженое* (Одинцово Караг.), *Порошок, порошок, доставайся порошок* (Троицк Кунг.) [Подюков 2007: 169], *Покажите нам дорожку!* [Балакай 2007: 389]; формулами, сопровождающими заход невесты в дом жениха, укладывание в брачную постель⁵: *Когда невеста*

переступала через порог, она должна была топнуть ногой и сказать: «Я буду здесь хозяйка!» (Карагай), *Жених тогда быстро девку-то сохватит и на подклет затащит, а там уже дело темное, девка только и успеет сказать: «Туша на мне, а душа во мне»* (Одинцово Караг.) и т. д. Сама структура этих паремий направлена на выполнение ими магической функции. Так, в ритуальной формуле *Хозяин, иди вот на пир туда-то. Иди – хозяйку не веди. Хозяйка, иди – детей не веди. Дети, идите – собак не ведите* реализуется идея кумулятивного прибавления: хозяин, хозяйка, дети. Формула строится так, что, во-первых, индивидуализирует приглашение (через подчеркнuto личное обращение к каждому приглашенному), а во-вторых, исключает нежелаемое (*собак не ведите*). Исключение это связано, по-видимому, с обереговой функцией, поскольку собака – нечистое животное, наделенное в народном сознании демонологическими качествами.

Одна из активно маркируемых паремиями зон свадебного пира – побуждения молодых целоваться. Побуждение целоваться часто основывается на оппозициях *чистый – грязный* и представляет собой чувственный контакт молодых как способ символического очищения: *Порошок, порошок, доставайся порошок* (Троицк Кунг.) [Подюков 2007: 169]; *Ой, хлам попал, пиво нецеженое, цедите пиво* (Одинцово Караг.); *Ой, горько, да ой, у вас там мякны накладено* (Кукольная Юрл.) [Бахматов 2008: 72], *Ой, чё-то там тычет в губы-те* (Таволожанка Юрл.) [там же], *Чё-то в губы тычется, кто ко мне в губы прямо ткнул, тараканы напали, что ли, ой, хлам тамо!* (Пож Юрл.) [там же: 73], *Ой, очистить надо, грязно* (Монастырь Гайн.) [ЭССТСП 2004: 106–107]. В паремии *Порошок, порошок, доставайся порошок* слово порошок происходит от порох ‘пыль; прах’ [Фасмер 2007: 332–333] и не просто вносит идею очищения от чего-либо, а избавления от неприятного, небезопасного. В побуждениях целоваться реализуется также оппозиция *горький – сладкий*: *Горе горькое* (Нердва Караг.) [ЭССТСП 2004: 43], *Масло горькое* (Никольское Караг.) [там же: 85]. В представленных формулах четко выражена продуцирующая функция: улучшение свойств напитка (из горького сделать сладким) и прогноз будущей жизни молодых. По сути в этих формулах актуализируется желание неидеальное сделать идеальным, так же как в паремиях *Стол ко-сой!* (*На кухне невеста. А все кричат: «Стол ко-сой!»*) *Прямить надо. Тогда невеста выходит. «Вот теперь распрявился!»* *Начинают поздравлять всех... А стол длинный, впереди жених с*

невестой. Рядом с невестой сидит мать жениха. А с женихом – отец жениха. А мать и отец невестины и гости невестины должны угощать да песни петь. А жениховы гости должны подавать. Тут уже не рядятся (Аряж Куед.) и в возгласе, которым побуждают молодых целоваться за свадебным столом, Рыба костлявая (Потом опять кричат, мол, рыба костлявая, молодые тут тоже целуются) (Никольское Караг.) [ЭССТСП 2004: 146]).

Как мы уже отмечали, словесные формулы используются на протяжении всего свадебного обряда. Но если, например, на этапе сватовства и пира-застолья они многочисленны, то некоторые ситуации представлены небольшим количеством паремий. К таким примерам можно отнесли словесные формулы, которые произносятся невестой во время первой брачной ночи: *Туша на мне, а душа во мне* (Одинцово Караг.), *Мне рожать, тебе мучиться* (Пож Юрл.). В них не просто переданы физиологические ощущения, а прогнозируется будущее (невеста «забирает» душу жениха, подчиняет его себе). Такой же прогнозной семантикой отличаются слова жениха *Пусти меня ночку ночевать, с тобой век коротать* (Тими́на Юрл.). Редки также паремии, маркирующие утро после брачной ночи, гуляния участников свадьбы по селу, ношение невестой воды, выпроваживание гостей.

Проверка невесты на честность связана со специфическим обрядовым действием – подвешиванием на дерево лагуна с хмельной брагой. Ритуал также сопровождается устойчивым вопросом-формулой. Утром после брачной ночи гости задают молодому вопрос *Брага кручёная? (У жениха отец спрашивает: «Брага кручёная или не кручёная?» Как кручёная? Там делают проще: лагун браги ставят и вешают её на ёлку. И вот когда она начинает гулять, брага, она начинает вокруг ёлки крутиться. И вот получается, если брага кручёная, невеста целая получается. Честная)* (Калиновка Чернуш.) [СРГЮП 2010: 74]). Паремии могут комментировать и действия, которые осуществляются свадебжанами во время свадебных гуляний второго, третьего дня: «На третий день все свадебжане, вырядившись в приданое невесты, обмотавшись скатертями, полотенцами, шли по деревне с вином и угощали всех прохожих. Некоторые из них брали с собой веники. Встречая по дороге мужчин, свадебжане подбегали в к ним, парили веником прохожего и приговаривали: *«Мойся, парься, на других не зарься»* (Калиновка Чернуш.). Фиксируются в пермских говорах и паремии, которые невеста или невеста с женихом произносят при дарении воды: *Дарят воду, деньги кидают, умы-*

ваются молодые, специально полотенце берут, чтобы утираться. Оба должны дарить воду: «Святая вода, дарю тебя, люби меня» (Караг.), *На второй день невеста воду носит. Когда несла воду в вёдрах и вода плескалась, надо было говорить: «Не нашим, не нашим»* (Н.Бычино Краснов.). Во время свадебного пира в Куединском районе произносится паремия, адресованная незванным гостям, «пучеглазникам»: *У нас для вас не припашёно, не сварёно, не спарёно* (Урталга Куед.). Эта формула представляет собой отказ в угощении, после ее произнесения в доме остаются только званые гости. Семантика отказа закреплена и в формулах, которые произносятся в завершении свадебного пира: *Добрые люди, ближние люди, попили-поели, а теперь пора гостям к лешему. Добрые люди, дальние люди, разъезжайтесь, ближние люди, расходитесь* (Пож Юрл.), *Угостили в последний день, ухват выносят – «конец, мол, гости, убирайтесь в дыру»* (Усол.). Любопытно в этом случае включение в паремию бранного пожелания (ср.: пермское бранное *каку дыру надо?*, где *дыра* – эвфемическое к *vulva*). Отмеченная грубость вписывается в общую установку на «антиповедение» участников обряда на его завершающей стадии, бранные слова здесь, несомненно, имеют и магический (обереговый, продуцирующий) характер.

Набор задействованных в свадебных паремиях символов достаточно разнообразен. Наиболее активны в паремиях животный (в том числе «птичьи» образы) и растительный коды. Использование образа животных и птиц зачастую связано в свадебных паремиях с идеей поиска пары: *У нас бычок, у вас тёлочка / Вот у вас есть овечка, у нас барашек / Есть сокол у нас, у вас соколушка. Нельзя ли вместе их скрестить* [Вершинина, Черных 2007: 14] и т.д. Е.Л.Березович, ссылаясь на мнение Т.Ю.Власкиной, отмечает, что подобная «образность имеет мифологические корни, базируясь, например, на концептуальной для традиционной славянской культуры семантической связи «женщина – королева» [Березович. К специфике...]. Из других паремий с образами животных отметим ритуальный наговор входящей в дом жениха невесты: *Невеста заходит в дом, говорит: «Волчиха в дом, все волки-волчата из дома». Чтобы хозяйкой быть* (В. Язьва Краснов.) [ЭССТСП 2004: 34]). Уподобление невесты волчице соотносится с устойчивым в славянской свадебной поэзии в целом соотношением жениха с волком – похитителем невесты.

Следует отметить, что в паремиях наряду с «животными» используются «человеческие» гендерные маркеры: *девушка – парень (У вас*

есть красавица, у нас красный молодец (Пожва Юсьв.), свадебный статус жених / невеста (*У вас невеста, у нас женишок. Не сойдутся ли в один домок?*; *Здесь невеста есть, а у нас жених. Надо их подпарить*) (Пожва Юсьв.), социальный «сказочный» статус (*У нас есть князь, а у вас княгиня. Не желаете ли породниться?*), мужское / женское имя, приобретающее в паремии расширительный смысл (*Давай твою Маньку за нашего Ваньку сосватаем*) (Чернуш.). Последний пример показывает, что паремии часто содержат ключевые для традиционной культуры в целом символы, например имена: *Марья идёт, Иван берёт* (Сыра Сукс). Е.Л.Березович, рассматривая образы севернорусского дожинального обряда, отмечает, что «психологический субстрат восприятия этих имен в паре содержит представление о Марии скорее как о девушке, невесте (а не замужней женщине), а об Иване – как о юноше, женихе», предельная обобщенность семантики этих имен сводится к оппозиции “мужское – женское” [Березович. Иван да Марья...]. Если обычно в словесных формулах сватовства предостается выбор, запрашивается результат (*У вас курочка, у нас петушок, нельзя ли их в один хлевешок*) (Куед.), то паремия-утверждение *Марья идёт, Иван берёт* представляет собой резюме, итог сватовства, констатацию факта как непреложного (о чем свидетельствуют использование глаголов в форме настоящего времени, синтаксический параллелизм частей). Акциональное действие и его вербальное подтверждение осознаются как обязательные, четко закрепленные в традиции.

Растительный код в паремиях нередко также базируется на модели «у нас – у вас / наш – ваш»: в них может быть заявлено желание сватающих «забрать» девушку (*У вас цветочек, у нас садочек. Дак нельзя ли ваш цветочек посадить в наш садочек?*) или соединить девушку и парня, образно представленных в виде растений (*У вас есть берёза, у нас дуб, давайте вместе гнуть?*); а также, как в рассмотренных выше паремиях с животными образами, «поискать пару» (*Нет ли у вас цветочка розы, а то у нас фикус вянет?*) [Поговорки и частушки о сватовстве]. Растительный код используется также в иносказательных формулах типа *Можно к вашему дереву постучаться?*, где номинацией «дерево» обозначается «пространство» (дом и семья) принимающей сватов стороны.

Реже в паремиях используются кулинарный код (*У вас ком теста и у нас ком теста, нельзя ли их свалять в одно место?*), культурно-семиотическое осмысление тех или иных реалий, относящихся к пространству дома: *Пол по нам,*

потолок по нам, матица, не поперець нам (Тими́на Юрл.) [ЭССТСП 2004: 86], *Порог молчит, так чтобы против нас молчали* (Черд.) [там же: 125]. Включение теста в свадебную символику (ср. *тили-тили-тесто, жених да невеста*) мотивировано тем, что в традиционной культуре оно устойчиво ассоциируется с плодovitостью, плодородием. Символические образы матицы и порога в паремии реализуют типичную для традиции семантику хранителей, покровителей дома.

По своей структуре рассматриваемые словесные формулы могут представлять собой не только одиночные реплики участников свадьбы, но и оформляться в ритуальные диалоги. Например, диалог, который произносится во время застолья: *Приносили зеркало, ставили на стол и спрашивали невесту: «Кого видишь?» Она должна была назвать имя жениха: «Александра Ивановича!». Все кричали: «Нет, не слышали!» И так повторяли до трех раз. Потом начинали спрашивать жениха: «Кого видишь?» – «Наталью Михайловну!» Все: «Нет, не она. У нас такой невесты нет». И так до трех раз. А на третий все говорят: «Слышали. Слышали!»* (Куед.) (аналогично распространенное в Южном Прикамье троекратное «хорошенье» невесты, когда на вопрос *дружки, хороша ли молодая*, гости кричат – *хороша*). Ритуальный диалог сопровождает и подготовку к первой брачной ночи: *Заставляют невесту с жениха снимать обувь, а туда, в обувку-то, деньги набрасывают. Она снимает. «Чё снимаешь? С кого снимаешь?» И называет по имени отчеству. Она называет: «Снимаю с мужа», величает его. А тогда уж бросают на койку. А сами уходят. Песни поют тут тоже* (Никольск Куед.).

В диалогах выражается информация о результатах сватовства. Иносказательный вопрос *Грабли-вилы?* (*Сватать пошли, на следующий день моего двоюродного брата уж спрашивают: «Грабли – вилы?» – «Грабли», высватали как, загребли значит*) (Сёйва Гайн.) [ЭССТСП 2004: 43–44] строится на символическом осмыслении крестьянских орудий труда – граблей как знака обретения, вил – потери (вилы связаны с движением от себя, грабли – к себе). Отказ в сватовстве в традиции обставлен рядом ритуальных действий, является намеренно выбранной тактикой поведения: нельзя соглашаться на предложение сразу, принято немного «поломаться». Такая тактика реализуется в диалогах сватов и родственников невесты: *«Нет, наша курочка пусть еще посидит, не набегалась пока» / «Молодой гусачок ищет себе гусочку. Не затаилась ли в вашем доме гусочка?»* – спрашивали сваты. А в ответ слышали: *«Есть у нас гусочка, но она ещё*

молоденька» [Фольклор Новгородской области]. Следует отметить, что указанная тактика провоцирует «состязательность диалога» и мотивирует появление двух и более реплик: например, сначала следует реплика сватов типа «нам надо помощницу или нам надо работницу» (ср. развернутый вариант: *У нас де тридцать овец. Овечто умеешь стричь? Умеешь, дак заберём* (Усть-Уролка Черд.), затем «отказ»: *Молода она у нас. Не работница ещё: лён-то мять не умеет, трепать не умеет*) и вновь реплика сватов: *Что ж, что молода! Товар-то у вас ведь такой, что залеживаться ему нельзя. Сами знаете: брагу сливай – не доквашивай, девку отдай – не доращивай*. Последняя реплика представляет собой аргумент (чтобы родственники невесты согласились на предложение) и побуждает к принятию решения, апеллируя к пословице: *Сами знаете: брагу сливай – не доквашивай, девку отдай – не доращивай*. Ритуализированный диалог представляет собой, как видим, своеобразный поединок сторон. Как отмечает Н.И.Толстой, «включенность ритуального диалога в текст, имеющий также акциональную (действенную) и реальную (предметную) символику, способствует его консервации, которая становится тем более значительной, чем большую роль имеет диалог в организации всего обрядового акта» [Толстой 2003: 314].

При всей своей устойчивости паремии в устной сфере общения, пусть и ритуального, достаточно вариативны. Например, на территории Пермского края отмечены следующие варианты одной и той же формулы: в Куединском районе – *У вас тёлочка продажная есть* (В. Сава Куед.), в Кунгурском районе – *У вас есть тёлочка продажна, нам надо эту тёлочку* (Калинино) [Подюков 2007: 109]. В Псковской области тождественная по смыслу паремия оформлена иначе: *«Приехали – узнали, что у вас тёлочка продаётца»* [Народная традиционная культура... 2002: 103]. Формула *У нас петушок, у вас курочка* (Троицк), зафиксированная в Кунгурском районе и в принципе функционирующая повсеместно [Подюков 2007: 108], в других районах имеет развернутую структуру: *У вас курочка, у нас петушок. Давайте сведём петушка с курочкой, пускай живут вместе* (Рябки Чернуш.), *У вас курочка, у нас петушок, нельзя ли их в один хлевшок* (Куед.). Одинаковые по смыслу паремии могут различаться каким-либо компонентом: *У вас цветочек, у нас садочек. Дак нельзя ли ваш цветочек посадить в наш садочек?* (Кунг.) [Подюков 2007: 109] и *У вас горшок, у нас цветок, давайте посадим цветок в горшок* (Рябки Чернуш.), ср. вологодский вариант – *У вас есть*

цветоцик, а у нас есть садочик. Вот, нельзя ли нам этот цветоцик перевести (или посадить) в наш садочик?! [Балашов 1985: 29].

По жанровой отнесенности среди свадебных паремий больше всего обрядовых формул, функционирующих в качестве пожеланий молодым. Жанр пожеланий является достаточно разработанным в народной речи. Пожелания активно используются в повседневной коммуникации и маркируют различные ситуации, общая цель их произнесения – прогнозирование позитивного результата какой-либо деятельности или процесса. Диалектные паремии-пожелания «учитывают» разнообразные ситуации, в том числе и достаточно специфические (напр., пожелание доящей корову *Маслицем доить, сметанкой цедить!*; при стирке *Лебеди лететь* [Прокошева 2002: 193; СПГ 2000: 466]; идущему в баню *Пару без угару!* (Леун Окт.)). Обрядовые пожелания – особый вербальный акт, отмеченный продуцирующей семантикой, по функции близкий к магическому заговору. В отличие от бытовых пожеланий они нередко развернуты в текст, ритмически и фонетически обработаны, произносятся одновременно с выполнением того или иного символического акционального действия. Пожелание благополучия молодым в основном связывается с их будущей долгой и счастливой совместной жизнью (*Ещё связывали пояс. Длинное-длинное расшитое полотенце брали и одним поясом – одним полотенцем молодых обвяжут. Говорят: «Чтоб совместная жизнь была долгая и длинная, как это полотенце»*) (Архангельское Юсьв.). В данном случае формула закреплена в ритуальном акте, где используется особый культовый предмет с медиаторной функцией (полотенце), особое символическое действие (завязывание узла как символическое скрепление).

Формулы могут содержать пожелания материального достатка: *У меня в лаптях ходила, у тебя пусть в ботиночках похаживает* – напутствие жениху при передаче ему невесты (Одинцово Караг.). В такого рода формулах, адресованных жениху, представляется жизнь девушки в родительской семье и некий прогноз ее замужней жизни: либо чтобы девушка жила как раньше (хорошо), либо чтобы ее жизнь стала лучше: *В гору бегала – не запыхивалась, с горы бегала – не запынывалась, босиком не ходила, ботиночки носила, так и у тебя пусть будет* (Одинцово Караг.), *У меня невеста была послушна и честна; держи её так, чтоб она и тебя слушала и у тебя была честна* (Юсьв.), *У нас была хороша, у вас пусть будет лучше. Я держал за лычко, ты держи за ремешок* (Мухоморка Юрл.). В последнем случае использовано тра-

диционное для русских паремий сопоставление «лычко – ремешок», представляющее свободу – зависимость, бедность – богатство (*Лычком не привяжешь, так и ремешком не возьмешь, Взял лычко, а отдай ремешок, Вяжись лычко с лычком*). Эти формулы напоминают заговор и имеют в своей структуре элементы, подобные заговорным закрепам, – *так и у тебя пусть будет, чтоб она и тебя слушала и у тебя была честна, у вас пусть будет лучше*.

Разнообразны по исполнению формулы, содержащие пожелание иметь детей – от общих *Живите, да робят носите* до развернутых в особый текст: *Сколько в поле кусточков, столько вам и сыночков, сколько в поле кочек, столько вам и дочек; Дай вам бог деток, что колосьев, да богатства (денег), что волосьев!* [Балакай 2007: 139]. В пожелании *Живите, да робят носите* рождение детей, эвфемически названном фразеологизмом *носить робят*, отмечается не только очевидное следствие брака, но и его цель и смысл совместной жизни. Часто пожелание содержит пару *сын/дочь (парень/дочь)*: *Дай Бог парня да дочь* (Колпашники Кунг.) [Подюков 2007: 173]; *Каждую ночь сына да дочь* (Одинцово Караг.). Пожелание может сопровождаться одариванием молодых деньгами: *Вот ещё эта же сваха подарки подносила. Горсть монет у неё было. Высыпает их на блюдо и говорит: «Это медь, троих детей вам иметь»* (Кунгур) [Подюков 2007: 180–181]. В словах, которые произносит вежань-крестная при укладывании молодых на постель: *Вот постеля, чтобы родилась челядь*, обозначена цель соития, которая состоит в продолжении рода (слово *челядь* в пожелании, по-видимому, содержит в себе не только значение ‘дети’, но и архаический смысл ‘помощники, работники’, ср. у Даля: «Чёлядь ж. собирут. (от чадо?) домочадцы, слуги, прислуга, работники, дворовые люди»).

Активна в пожеланиях формула, в которой появление ребенка представлено «счетом»: *Ложитесь вдвоём — вставайте втроём!* (Красновиш.). В развернутом варианте *Ложитесь вдвоём, вставайте втроём, на поле пойдём пятерё да шестерё* (Ташкинова Юрл.) выражается идея совместного труда взрослых и детей, который воспринимается деревенским человеком в качестве необходимой составляющей понятия «семья». Такого рода паремии также часто включены в ритуальное действие (ломание глиняного сосуда): *Как молодых спать вести, ломают корчагу и говорят: «Сколько кусочков, дай Бог столько же сыночков»*. *Жениха с невестой отделяют, корчаги ломают глиняные. Первая брачная ночь – корчаги ломают* (Пожва Юсьв.).

Рассмотрение обрядовых словесных формул позволяет выявить их коммуникативный потенциал, их «ситуативно-стратегическую мотивировку» (термин Головач) [Головач 2011], соотносимость с обрядовым символизмом в целом. Образность словесных свадебных формул формирует их апотропеическую и продуцирующую семантику и отражается в вербальном коде обряда на разных его этапах. Особая функциональная нагруженность обрядовых паремий напрямую выражается в их стилистической обработанности. Анализ образности и структуры, жанровой природы свадебных паремий дает возможность уточнить наши представления о микрожанрах народной фольклорно-обрядовой речи и речевых жанрах диалектной речи в целом.

Примечания

¹ Статья выполнена в рамках гранта 029а-Ф «Этнические культуры Прикамья: генезис и современное состояние», гранта 008-П «Языковой быт современного прикамского села (социолингвистическое исследование)» программы стратегического развития ПГГПУ.

² С.С.Шляхова, анализируя символику речи (говорения) в свадебном обряде на материале текстов из сборника И.В.Зырянова «Чердынская свадьба» (Пермь, 1969), указывает на то, что «молчание оказывается наиболее сильным магическим поведением» и иногда «репрезентируется на уровне формул-фраз: «Порог молчит, лежит, так чтобы против нас молчали, потакали», которые «актуализируют семантику молчания как знака согласия: «Колотим о порог, чтобы не говорили с нами поперёк» [Шляхова 2000: 37].

³ В.А.Поздеев отмечает, что при отрицательном исходе сватовства этот обряд можно считать как бы отдельным самостоятельным обрядом, потому что «сватовство имеет очень четкие обрядовые традиции, но вместе с тем имеет наименее разработанную или наименее сохранившуюся поэтическую традицию, поэтому оно не зрелищно, а совершается только в доме девушки с ограниченным кругом лиц» [Поздеев 1984: 61].

⁴ Идея о том, что не только брак является делом Божьим, но и вся человеческая жизнь, актуализирована в прощальном пожелании молодым *С Богом жить!* Обл. Прощальное пожелание молодым (В.Даль) [Балакай 2007: 66].

⁵ «А в дом понесут, тоже заносят сундук с оговорами. Сундук узкий, вот такой, вдоль. Ак мужики нарощно его поперёк завозят: «Не проходит! Не проходит! Чё-то надо делать, сундук никак не проходит в двери» (Бым Кунгур.) [Подюков 2007: 161].

Список литературы с сокращениями

- Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. URL: <http://www.dobre.ru/book/baburin/baybur5.htm> (дата обращения: 26.09.2012).
- Балакай А.Г.* Словарь русского речевого этикета: ок. 6000 этикетных слов и выражений. 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. 767 [1] с.
- Балашиов Д.М.* и др. Русская свадьба. Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтьюге (Гарногский район Вологодской области). М.: Современник, 1985. 389 с.
- Бахматов А.А.* и др. Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор: материалы и исследования. Пермь: Изд-во «ОТиДО», 2008. 502 с.
- Белюсова Е.А.* Современный родильный обряд // Ruthenia.ru: Объединенное гуманитар. изд-во. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/belousova4.htm> (дата обращения: 26.09.2012).
- Березович Е.Л.* Иван да Марья: к интерпретации образов севернорусского дожинального обряда // Ruthenia.ru: Объединенное гуманитар. изд-во. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezovich6.htm> (дата обращения: 26.09.2012).
- Березович Е.Л.* К специфике «культурной этимологии» (на материале русской лексики, означающей отказ при сватовстве) // Ruthenia.ru: Объединенное гуманитар. изд-во. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezovich5.htm> (дата обращения: 26.09.2012).
- БСРП – *Большой словарь русских поговорок*. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. 784 с.
- Вершинина Е.Б., Черных А.В.* Куединская свадьба. Традиционный свадебный музыкальный фольклор русских с. Урталга Куединского района Пермского края в конце XIX – первой половине XX в. Пермь: Изд-во ПониЦАА, 2007. 192 с.
- Головач О.А.* Стратегический подход в лингвистических исследованиях: коммуникативный аспект // Вестник Волжского университета им. В.Н.Татищева. 2011. С.64–68.
- Гура А.В.* Посад в славянском свадебном обряде (ритуал и терминология) // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы II Международ. науч. конф., Екатеринбург, 8–10 сентября 2012 г.: в 3 ч. Ч.1 / [ред.кол.: Е.Л.Березович (отв.ред.) и др.]. Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2012. С. 18–20.
- Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра: в 2 т.* Псков: Изд-во Обл. центра народного творчества, 2002. Т. 1. 688 с.
- Поговорки и частушки о сватовстве.* URL: <http://www.studio88.ru/-story/russian-wedding/sayings-and-limericks-about-the-match> (дата обращения: 26.09.2012).
- Подюков И.А.* и др. В каждой деревне чё-то да разное. Из кунгурской семейной традиции (двадцатый век). Пермь: Тип. купца Тарасова, 2007. 284 с.
- Подюков И.А.* и др. Усольские древности. Сборник трудов и материалов по традиционной культуре русских конца XIX – XX вв. Усолье; Соликамск; Березники: Перм. кн. изд-во, 2004. 248 с.
- Поздеев В.А.* Приговоры дружки в структуре севернорусского свадебного обряда // Жанровая специфика фольклора: межвуз. сб. науч. тр. М., 1984. С.60–74.
- Прокошева К.Н.* Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь: изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2002. 432 с.
- СД – *Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И.Толстого*. М.: Ин-т славяноведения РАН, 1995. Т.3. 689 с.
- СПГ – *Словарь пермских говоров: в 2 т. / под ред. А.Н.Борисовой, К.Н.Прокошевой*. Пермь, 2000–2002. Пермь: Кн. мир, 2000–2002. Вып.1–2.
- СРГЮП – *Словарь русских говоров Южного Прикамья. Вып. 1 (АБАЛТУС – КЫЧИГА) / И.А.Подюков (науч. ред), С.М.Поздеева, Е.Н.Свалова, С.В.Хоробрых, А.В.Черных; Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2010. 456 с.*
- Толстой Н.И.* Очерки славянского язычества. М.: «Индрик», 2003. 624 с. (Традиционная духовная культура славян / Современные исследования).
- Традиции и обычаи башкир.* URL: http://revolution.allbest.ru/moscow/00276888_0.htm 1 (дата обращения: 26.09.2012).
- Усольская свадьба: сб. фольклорных текстов / сост. С.В.Хоробрых.* Пермь: ПРИПИТ, 2000. 80 с.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т.3: Муза-Сят: 5500 слов / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н.Трубачева. 4-е изд., стереотип. М.: Астрель: АСТ, 2007. 830 с.
- Фольклор Новгородской области. История и современность. По материалам фольклорного архива Новгородского университета за 30 лет.* М., 2005 // Библиотека онлайн. URL: http://www.ahmerov.com/book_815_chapter_1_Annotacija.html (дата обращения: 26.09.2012).
- Шляхова С.С.* Символика речи (говорения) в свадебном обряде // Фольклорный текст – 1999:

материалы науч.-метод. сем. Пермь, 2000. С.31–39.

ЭССТСП – Подюков И.А. и др. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья / И.А.Подюков, С.В.Хоробрых, Д.А.Антипов. Усолье; Соликамск; Березники; Пермь: Перм. кн. изд-во, 2004. 360 с.

**Условные сокращения
районов Пермского края**

Бер. – Берёзовский

Гайн. – Гайнский

Караг. – Карагайский

Киш. – Кишертский

Красновиш. – Красновишерский

Куед. – Куединский

Кунг. – Кунгурский

Окт. – Октябрьский

Ос. – Осинский

Сол. – Соликамский

Сукс. – Суксунский

Уинск. – Уинский

Усол. – Усольский

Черд. – Чердынский

Чернуш. – Чернушинский

Юрл. – Юрлинский

Юсьв. – Юсьвинский

PROVERBIAL EXPRESSIONS IN THE WEDDING CEREMONY OF PRIKAMYE

Ekaterina N. Svalova

Post-graduate Student of General Linguistics Department

Perm State Humanitarian-Pedagogical University

In the article proverbial expressions, functioning in the wedding ceremony at its different stages, are described. The semantics, form, functions, specificity of figurativeness, stylistic characteristics of the wedding proverbial expressions are analysed. On the basis of the Prikamye wedding tradition semiotic characteristics of the wedding proverbial expressions and their relation to the symbolism of the folk cultural tradition in general are regarded. The author deducts the specificity of the inner form of the wedding proverbial expressions and describes the mechanisms of apotropaic and producing, on their basis, semantics generation of different ceremonial episodes of the Prikamye wedding.

Key words: traditional wedding ceremony; proverbial expressions; ceremonial communication; symbolism of traditional culture; semeiotic mechanisms; ceremonial text.